

Херасков Михаил Матвеевич

**Эпические творения
Михайла Хераскова,
действительного статского
советника, Императорского
Московского университета
куратора**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М69

М69 **Михаил Матвеевич Х.**
Эпические творения Михайла Хераскова, действительного статского советника, Императорского Московского университета куратора / Херасков Михаил Матвеевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 268 с.

ISBN 978-5-521-29109-0

ISBN 978-5-521-29109-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Любови пламенной отравой услаждёнъ,
Блаженства жизни сей искалъ въ безѣдѣ женѣ.
Прикованъ роскоши къ блестящей колесницѣ,
Во узахъ слѣдовалъ развратной сей царицѣ;
И гордость, нашего блаженства первый врагъ,
При блескахъ таковыхъ влагала въ душу мракъ.
Владимиръ обольщенъ былъ міра суетою,
Доколѣ вѣрою не озаренъ святою.
Лежали сѣмена грѣха въ его крови;
Онъ въ лаврахъ шествовалъ подъ знаменемъ любви.
Не избѣжалъ сей мужъ отъ общаго намъ рока;
Ахъ! кто изъ смертныхъ есть въ семъ мірѣ безъ порока!
Въ ночи безбожія подобенъ бывъ лунѣ,
Какъ солнце наконецъ сіялъ въ своей странѣ.
Такъ мраченъ видъ горы является кремнистой,
Въ которой заключенъ металлъ отъ злапа чистой:
Доколь художныхъ рукъ не прикоснешся шрудъ,
Не источается богатство скрытыхъ рудъ.
О ты, къ которому коснулся Богъ рукою,
И Россамъ благодать происпекла рѣкою!
Отъ сей спасительной и чистой струи
Меня, о Мужъ святыи! при жаждѣ напои!
И будешь пѣніе мое красно и стройно,
Твоихъ великихъ дѣлъ, твоихъ похвалъ достойно.

Клонился къ вѣчности уже десятыи вѣкъ,
Какъ въ мірѣ возсіялъ и Богъ и человекъ;
Сивиллы древнія оракулы молчали,
Додонскіе лѣса жрецамъ не отвѣчали:
Но Кіевъ, истинны взирая на лучи,
Дремалъ безбожнаго мевѣрія въ ночи.
Какъ будто былъ Творецъ никѣмъ незнаемъ въ мірѣ,
Являлся тамо Богъ въ безчувственномъ кумирѣ;
То сонная была и мутная вода,
Въ которой небеси не видно никогда;

Сидонскимъ въ ирости Вааловымъ подобны
 Жрецы, какъ ихъ кумирѣ, толико были злобны.
 Для выгодъ собственныхъ служили оцѣрю;
 Для выгодъ алчара покорствуящѣ Царю;
 Всегда онѣ переходилъ въ его смѣшенномъ нравѣ,
 Отъ славы ко любви, а отъ любви ко славѣ;
 Онѣ лавры превращалъ во миртовы цвѣты;
 То громъ войны любилъ, то женски красоты.

Уже Россійская вездѣ гремѣла слава;
 Во шрепелѣ ввержена восточная держава,
 Владиміѣ бодрствивныхъ Сарматовъ усмирилъ,
 Кругомъ Дунайскихъ водъ народы покорилъ;
 Сверкающѣ молнія его кругомъ Босфора,
 Спрашится древній Тавръ Владимірова взора;
 Летающѣ громкая на западѣ молва;
 Какъ вѣтрѣ пареніе, какъ громъ ея слова:
 Молва звучащую трубу въ рукахъ имѣетъ,
 Вездѣ летающая, и ложъ и правду сѣетъ;
 Даетъ дѣянъ шолкъ, дѣянъ паки тѣмнитъ,
 Иль вѣетъ какъ эфиръ, или какъ понъ шумитъ.
 Молва и малую повсюду славу множитъ;
 Но Княжымъ именемъ вселенную тревожитъ:
 Вѣщаетъ торжества безчисленныхъ побѣдъ;
 Со шрепеломъ ея глаголы внемлетъ свѣтъ;
 Смѣшенно ложъ она и истинну вѣщаетъ.
 Шумица молва Монарха восхищаетъ:
 Онъ чаялъ миръ вкушать, собравъ съ Болгаровъ данъ;
 Но есть ли тамо миръ, гдѣ съ небомъ въ царствѣ брань!

Благодареніе Перуну Царь приносишъ;
 Но жертвы отъ него кумиръ иныя проситъ,
 Усками пагубныхъ глаголетъ онъ жрецовъ:
 Не хоцетъ спрашныи богъ ни агицовъ, ни тельцовъ;
 Ужасный храмъ его шемитъ и шрепелетъ,
 Громъ движется въ рукъ и молній пламень блещетъ.

Жре-

Жрецы Перунсѣ гнѣвъ изъ блѣдныхъ кажутъ лицъ,
Сиремятся къ алтарю и упадаютъ ницъ,
Вѣдающе наконецъ сіи слова ужасны:
Твои моленія и жертвы, Князь! напрасны;
Перунъ велѣлъ тебѣ принести, о храбрый Царь!
Двухъ скрытыхъ Христіанъ для жертвы на алтарь.

Болѣзненно сіе Владимиру велѣнье;
Но ко богамъ еще велико ослѣпленіе.
Не чаялъ сей цѣной побѣды онъ купить,
Вѣнцы лавровые слезами окропить;
Но долженъ волѣ былъ кумира покориться.
Печаль въ лицѣ его, въ очахъ крушеніе зрится;
Велѣнія изъ устъ произнести не могъ,
И далъ рукою знакъ, творить, что хочетъ Богъ.
Жрецы на Христіанъ свирѣпостю разженны,
Сулятъ Владимиру за жертву дни блаженны.
Тогда разсыпались вездѣ клевреты ихъ,
На жертву привлеци во храмъ мужей снѣпыхъ.

Гдѣ слабые лучи Евангельски блискали,
Въ пущынѣ близъ Днѣпра два мужа обихали;
Подъ сѣнію своихъ недвижущихся крилъ
Духъ Божій сихъ мужей до дня сего шайлъ.
Блаженна въ тишинѣ, незлобива, правдива,
То сынъ былъ и отецъ, чеща благочестива.
Въ преданіяхъ жрецовъ изобразилъ обманъ,
Устроили они по градъ Христіанъ.
На сихъ опмщеніе язычниковъ кипѣло,
На жертву крови ихъ, какъ хищный вранъ, хотѣло,
И въ пайнѣ воинамъ велѣніе дають,
Да сихъ пустынниковъ на жертву привлекутъ.
Подвиглася поляна, люта, кичлива, злобна,
Подвиглася, рѣкъ текущей съ горъ, подобна.

Надъ самой быстриной шумящаго Днѣпра
Возвысила чело высокая гора;

Зеленыхъ рядъ древесъ простерся по вершинѣ,
И примыкался онѣ покатистой долиной.
По мягкой муравѣ источники вились,
На пучной пажити стада овецъ паслись;
Поюща птицы шамѣ между древесъ летали:
Вѣ убѣжищѣ такомѣ Варяги обитали.
Ошполѣ пламенны молитвы до небесъ
Взлетали день и ночь со раствореньемъ слезъ.
Какъ тихая рѣка, ничѣмъ непреклоненна,
Господней жизни шекла рукой пріосѣенна:
О коль близка была къ волненію она!
Всевышнему ихъ жизнь явилася нужна;
Насталъ имъ часъ, насталъ плотское свергнуть бремя,
Справедчески вѣнцы принять настало время.
Клевреты жречески, носящи злость въ сердцахъ,
Уже являюся на мягкихъ муравахъ.
Все шамъ нѣжилъ нравъ, все душу утѣшаетъ;
Но паче благодать жилище украшаетъ.
Когда приблизились злодѣи ко святымъ,
Почтенье нѣкое почувствовали къ нимъ;
Но вдругъ предстала имъ недремлющая Злоба,
Какъ тѣнь дрожащая, возставшая изъ гроба;
Нахмуренно чело, у ней туманенъ взглядъ,
Дохнула въ ратниковъ, и оживила ядъ.
Текутъ на верхъ горы, какъ вихри, пыль вѣюща,
Въ сердцахъ свирѣпый гнѣвъ, въ калчанахъ смерть несуща;
Какъ будто разорвалъ густую тучу громъ,
Вломились къ праведнымъ враги въ священный домъ.
Но Духомъ ли Святымъ незалоно наученны,
Иль воплемъ ошѣ молитвъ небесныхъ ошваченны,
Выходитъ къ воинамъ почтенная чеша.
Сѣдины одного, другаго красота
И варварски сердца на время умягчили;
Но чувства звѣрскія ихъ къ злобѣ ополчили.

Какъ

Какъ древній дубъ зимой, имѣющъ свѣжій видъ,
Хотя колеблется и снѣгомъ весь покрытъ,
Предсталъ отецъ и рекъ, украшенъ сѣдинами:
Коль грѣшныхъ ищите? Се грѣшникъ передъ вами!
Но вопль послѣдовалъ, ужасный вопль словамъ:
Вы оба надобны въ закланіе богамъ!
Въ селенія горнія, для спарца отворенны,
Онъ очи обратилъ слезами орошенны,
И рекъ: Ты царствуешь, мой Богъ! на небеси:
Возьми меня пуда, но сына лишь спаси.
Но юноша вскричалъ: Хочу умереть съ тобою!
И воинамъ вѣщалъ какъ громкою трубою:
Кто хочетъ въ жертву насъ невинныхъ Божьихъ чадъ?
Вашъ богъ не движется, уста его молчатъ;
Древа не чувствуютъ и камни не желаютъ.
Слова сіи сердца и паче распаляютъ.
Жрецамъ покоршувайте! свирѣпствуя рекли,
И узы наложивъ, ихъ къ жертвѣ повлекли.
Невинность и въ цѣпяхъ величественной зрѣлась,
А Злоба мерзостью при торжествѣ одѣлась.
Священная чета когда вступила въ храмъ,
Молчаніе крилъ распростирало тамъ.
Ихъ мыслей въ небеса святое погруженъ
Раждало тайное къ невиннымъ уваженъ.
Но прервалъ жрецъ Памидъ молчаніе свое,
И яростью кипящъ, невиннымъ рекъ сіе:
О вы, враги боговъ! вамъ должно днесь рѣшиться:
Умереть сей часъ, или кумирамъ поклониться!
Умереть! вѣщаетъ сынъ; — умереть! вскричалъ отецъ,
Готовы мы принять спрavedливый вѣнецъ!
Единого въ сердцахъ мы Бога ощущаемъ,
За то приемлемъ смерть; но васъ за смерть прощаемъ.
Во гнѣвъ жрецъ вскричалъ: умереть изъ насъ одинъ,
По жребію умереть сей часъ отецъ, иль сынъ!

Страхъ

Страхъ нѣкій на челахъ у всѣхъ изобразился,
А праведниковъ ликъ сѣннемъ озарился.
Иду на смершь, иду! родишель вопієшъ,
Уже мнѣ жизнь пияжка, утѣхи въ мірѣ нѣтъ!
Богъ счислилъ дни мои, не идолю, не судьбина;
Предупреждашь опецъ во смерти долженъ сына.
Лобзя юноша родителеву грудь,
Увы! вскричалъ,пусти меня на смерпный путь!
Не сдѣлалъ ничего я въ жизни сей свяшаго,
Да удостоюся вѣнца небесъ злаго.
Но сей вѣнецъ пвоей заслугой получу;
Ты жизнь мнѣ далъ, тебѣ я жизньню плачу.
Колико ни были язычники жеспоки,
Такое прѣвнѣе исторгло слезны шоки.
Со каменнымъ своимъ лишь равны божествомъ,
Одни жрецы на то взирающъ съ торжествомъ,
И сына со опцемъ разпоргнувъ повѣляли;
Но руки ихъ сплелись, сплелись и охладѣли;
Святые не могли разлуки перенести.
Безильно шало зло, гдѣ святость въ духѣ есть!
Жрецы съ кинжалами спрадалцевъ окружающъ,
И въ бѣшенствѣ опца и сына поражающъ;
Единый кровью спалъ другаго омоченъ.
Такъ съ опраслами дубъ сѣкирей посѣченъ,
Во вѣтвяхъ масличныхъ вершину углубляющъ,
И древо кажется едино соспавляющъ.
Ихъ души будшо два источника слились,
Превыше облаковъ изъ храма поднялись.
Но кровь, кошорая лице земли кропила,
Та кровь невинная на небо возспила.
До высочайшія дѣшло степени зло;
И правда начала являющъ свое чело,
Кошоры облака невѣрія скрывали,
Какъ будшо сквозъ шуманъ лучи ея сіали.

Владимиръ ужасомъ, какъ громомъ пораженъ,
 Густыя ночи тмой казался окруженъ;
 Печаль дрожащими въ его челѣ перстами
 Нанекала! Вла знакъ глубокими чертами;
 Померкло Княжіе лице и свѣпый взглядъ,
 Выходишь пасмуренъ изъ храма въ верпоградъ:
 Но въ слѣдъ за нимъ текутъ окровавленны пѣвни.
 Раскаянье Царя повергло на колѣни;
 Раскаянье, тоску могущее вдохнуть,
 Пуская тяжкій стонъ, рукой бѣюще грудь;
 Ланиты тѣкомъ слезъ имѣя орошенны,
 Власы по раменамъ волнами распушенны;
 Раскаянье къ Царю едва простерло взоръ:
 Подобно какъ вода течетъ весною съ горъ,
 Коль мерзлый горъ хребетъ расплопится лучами,
 Владимиръ залился горчайшими слезами.

Двѣ души праведныхъ, оставивъ тѣлеса,
 На радужныхъ крилѣхъ летящъ на небеса,
 Внимаютъ сладкую небесную музыку,
 Уже являются безплодныхъ свѣтлу лику;
 Уже предѣловъ тѣхъ касаются они,
 Гдѣ огненна вода, гдѣ влажныя огни;
 Гдѣ велелѣніе Божественнаго міра,
 Составленна изъ звѣздъ небесна славилъ лира.
 Но псалмопѣсенный умолкъ священный хоръ,
 Когда возвелъ съ небесъ на праведниковъ взоръ:
 Еще являются спрададьцевъ кровны токи,
 И раны видимы у нихъ въ груди глубоки.
 Когда унынїемъ дозволено называть,
 Какъ могутъ жилили небесны унывать?
 Стенанье слышалось превыше звѣздъ сѣдящихъ,
 Какъ томный гласъ моливъ, на небо восходящихъ;
 Потопи полились росъ подобныхъ слезъ.

Безсмертна Муза! пой унынїе небесъ!

Живущихъ выше звѣдѣ въ духовномъ чистомъ мірѣ,
 Свяшныя жалобы гласи, гласи на дѣлѣ!
 Глаголамъ не земнымъ, о Муза! подражай;
 Святое хочешь пѣть, святое вображай.
 Молитвы праведныхъ текутъ какъ искры къ Богу,
 Ко зашворенному возносящся черпугу,
 Во славѣ гдѣ своей вещей Творецъ сокрытъ;
 Ни Ангелъ никакой ихъ внутренней не зрѣтъ.
 Посвященъ Божій храмъ твореній въ высоко,
 Отколѣ Божіе въ міры взираетъ око,
 Созданій собственныхъ въ пространну бездну зрѣтъ,
 Сіяетъ яко свѣтъ, или какъ огонь горитъ;
 Въ безмѣрной высотѣ святыхъ бесѣдъ внемлетъ,
 И въ нѣдра ихъ свои отъ чистыхъ душъ пріемлетъ.

Одѣянъ свѣтлою небесною зарей,
 Въ бесѣдѣ царствуетъ Апостольской Андрей;
 Изъ солнечныхъ лучей въ составленномъ чертогѣ,
 Вѣщаая Божество и самъ живущій въ Богѣ,
 Полночный сей Пророкъ, исполненный любви,
 Люби къ Россіянамъ, спрадаальцевъ зря въ крови,
 Возвѣщаетъ, гдѣ нѣтъ ни плача, ни стenanья;
 Не плоти и души отъ смутнаго страданья,
 Но человѣческихъ скорбишь о бѣдствѣ душъ,
 Какъ можешь унывать живущій въ небѣ мужъ!
 Его небесна плоть въ печали и спраданы
 Пріемлетъ лунное по солнечномъ сіяньи;
 Святаго мужа спонъ небесну движетъ связь
 Андрей возводитъ взоръ, къ востоку обращая,
 О Творче всѣхъ міровъ! склонивъ чело, вѣщаетъ,
 Почто Тебя не вся вселенна ощущаетъ!
 Отъ солнца далека полночная страна,
 Должна и Твоего быть свѣта липена?
 Мною крестъ Спасителей воздвигнутъ Россамъ втуне;
 Не мыслятъ о Тебѣ, но мыслятъ о Перунѣ.

Доколѣ будетъ кровь на небо вопіянь?
Доколѣ Истиннѣ въ Россіи не сіянь?
Владимирѣ славой свѣшлѣ, но вѣрой въ сердцѣ мраченѣ;
Или и Ольгинѣ внучѣ во адѣ сойппи назначенѣ?
О Боже! просвѣщи возлюбленный мой градѣ,
Да врагѣ Твой у Тебя не похищаетъ чадѣ.
Слова Апостольски въ лучи совокупились,
Какъ буквы огненны Творцу они явились.
Се нѣкій свѣшлѣ блеснулѣ! — Едва, едва дышу;
Глаголетѣ Богѣ во мнѣ, не я сіе пишу!
Подобны молніямѣ вѣяся и сверкая,
Незапно небеса разпоргались въ край отъ края;
Между блистательныхъ златыхъ небесныхъ горѣ
Внимаемый всегда умолкѣ поющій хорѣ;
Весь міръ объемлющемѣ во океанѣ волны
Преспаали двигатся, утихли страха волны.
Во пламенныхъ заряхъ Святая эрю Святыхъ,
И сталѣ духовный міръ неколебимѣ и тихѣ;
Многоочинныя не движутся колеса;
Составленна изъ звѣздъ подѣмается завѣса:
Се Богѣ! се Богѣ грядетѣ! Темнѣетѣ плотскій взорѣ,
Единый Ангельскій вдали я слышу хорѣ;
Трисвятѣ Господѣ! трисвятѣ! при лирахъ гласы внимаю:
Гдѣ я? — Не чувствую! дрожу! паду на землю!
Объемлетѣ всѣ міры неизреченный свѣшлѣ;
Ни звѣздъ блистающихъ, ни солнца въ небѣ нѣшлѣ.
Склонилѣ чело Господѣ; и Ангельскія лиры,
Какъ будно кропкіе весенніе зephyры,
Произвели для всѣхъ міровъ пріятный звукѣ;
Священна тишина по шомѣ настала вдругѣ.
Но кто сіи, но кто богоподобны дѣвы,
Одежды Царскія, вѣнцы на нихъ Царевы,
Со умиленіемѣ предѣ Господомѣ споятѣ;
Ихъ ликѣ веселіе, спасеніе ихъ взглядѣ,

Едина держишь крестъ, омышь безцѣнной кровью?
 То въра предположишь съ небесною Любовью;
 Надежда посреди съ улыбкою видна,
 Въплывъ пальмова у ней всечасно зелена.
 Еще я зрю жену, наперсницу Надежды;
 Какъ солнце зракъ ея, какъ снѣгъ ея одежды;
 Лежатъ ея власы какъ злато по плечамъ,
 Любозна есть она землѣ и небесамъ;
 На лонѣ у нея закланный Агнецъ эрится,
 И жаждетъ вся ему вселенна покориться;
 На что пресвѣтлый взоръ она ни возведетъ,
 Огненно уходитъ тма, сіеніе тамо свѣтъ.

При возсіаніи Создателя шрона
 Вершина гордая склонилась Сіона;
 Померкли свѣтлыя небесные огни,
 И вспыхъ подвиглися со шрепетомъ они;
 Въ кристальномъ облакѣ сѣдючи Херувимы,
 Въ огнѣ живущіе, огнемъ неоналимы,
 Умножили спокрашъ сіяніе свое;
 Носимый Богъ на нихъ Андрею рекъ сіе:
 Внеми! — и Божій гласъ свѣтящъ зарями эрится;
 Внеми! глаголетъ Богъ: Россія просвѣтлится!

Слова сіи по всей вселенной раздались,
 Сокрылся Божій ликъ и пѣсни прервались.
 Какъ громъ, кающійся воздушными полями,
 Живой глаголѣ къ Днѣпру относится крылами.
 Тогда соспавился изъ словъ пресвѣтлый крестъ,
 И шѣмъ знаменовалъ окрестныхъ свяиость мѣстъ,
 Котора, упренней подобяся Аврорѣ,
 Весь Кіевъ озаритъ и всю Россію вскорѣ.
 Свяиые зрѣніе простерли въ верхоградъ,
 И тамъ Владимира въ раскаяніи зрятъ.

Колико поменъ Царь, колико былъ несчастенъ!
 Гнѣшенью многихъ зодъ казался онъ подвластенъ;

Онъ